

"Остров Сахалин" Чехова как матрица и энциклопедия дальневосточной жизни

Сахалин — самый большой русский остров. "Остров Сахалин" — самое большое произведение Чехова, отличающееся от других и формально, и содержательно. Оно стоит особняком и, возможно, именно поэтому кажется недопрочитанным до сих пор. Хотя со времени великой сибирской поездки Чехова прошло уже 125 лет...

Таганрогско-московско-мелиховско-ялтинский Чехов куда более дальневосточен, чем может показаться. Его интерес к тихоокеанской России — давний и неслучайный. С детства любил гончаровский "Фрегат "Паллада", а в 1888-м написал проникновенный некролог на смерть Пржевальского, путешествовавшего в том числе и по восточным пределам империи. Прочитав этот некролог, важный для понимания и чеховских взглядов на жизнь, и смысла его сахалинского похода: "Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно... Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих об скуки неважные повести, не нужные проекты и дешёвые диссертации, развратничавших во имя отрицания жизни и лучших ради куска хлеба, что кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть ещё люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознательной цели". Не некролог — программа жизни.

Задолго до Сахалина Чехов был "одалёновосточенным". Продолжил Пржевальского, он в некотором смысле предвосхитил Арсеньева. Именно Чехов по-настоящему присоединил Сахалин к России, связав далёкую и почти неизвестную землю с нервом и культурой большой страны.

Духовное освоение территории ещё важнее, чем её административное присоединение. Чехов создал один из первых мифов о российском Дальнем Востоке, тем более ценный благодаря своей документальности.

В России сильная школа тюремной литературы. Сидеть в тюрьме плохо, но когда писатели сажают — для него и для литературы это бывает хорошо (звучит почти кощунственно). Если, конечно, писатель остаётся жив...

Чехова никто не сажал. Он поехал на каторгу сам. Как пел по другому случаю Высоцкий в одной из своих "магаданских" песен, "его не будет бить конвой" — он добровольно, он добровольно...

Безусловно, то были другие времена. Чехова на Сахалин пустили довольно легко — а попробуй поезде по колымским лагерям 1940-х или хоть по нынешним учреждениям ФСИН. Запрещали общаться с политическими — но этот запрет Чехов спокойно нарушал, на что, похоже, начальство закрывало глаза: предупредили, — и ладно (интересно, что при Чехове на Сахалине было около 40 "политических", а всего на 1 января 1890 года на острове числилось 5905 каторжан).

Сегодняшнему Чехову пришлось бы сложнее — но что-то и не рвётся никто на наши сахалины.

Да и тогда не все отнеслись к чеховской идее с пониманием. Многие посчитали её "ненужным делом" и "дикой фантазией". Даже издатель Суворин писал Чехову: "Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен". Тот возмутился в ответ: "Не далее как 25-30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди..."

Для самого Чехова решение тоже было, помимо говоря, непростым. В предсахалинских письмах он словно прощается с близкими: "Такое чувство, как будто я собираюсь на войну"; "Быть может, никогда уже не вернусь...". Чехов совершил самый настоящий подвиг — и в смысле выдающегося достижения, и в контексте традиций русского подвижничества, и даже в том прямом смысле, что двинулся на край света, да ещё на социальное дно.

До Сахалина 30-летний писатель добирался на перекладных более 80 дней (жильевые носители герои за тот же срок объезжали весь мир — а тут попробуй через Россию проехать, не увяз-

нув). Обратно ехал через Владивосток и южные моря — до Одессы. Время, затраченное на дорогу, следует приплюсовать к проведённым непосредственно на Сахалине трём месяцам и двум дням. А если добавить подготовку к поездке (моральную и книжную), последующую работу над книгой и "пост-сахалинский синдром", то станет очевидно: под знаком Сахалина Чехов прожил отнюдь не только 1890 год.

Порой говорят, что и свой роковой туберкулёз Чехов подхватил именно на Сахалине. Есть убедительные данные о том, что он болел с юности, но эта непростая (в том числе и в бытовом плане) сибирская поездка на его здоровье, вероятно, действительно сказалась.

Для жителя средней полосы России, не говоря об иностранце, Сахалин и сейчас — экзотика. В конце XIX века, когда дальневосточные края только-только стали российскими, — экзотика в квадрате, медвежий угол, нечто потустороннее. Поездка на Сахалин была погружением в преисподнюю. Продолжением опыта Данте — только ад здесь оказался невыдуманным.

Чехов ехал изучать не одну каторгу, но Сахалин как таковой. Его записки — не только "социально-нравственные", но "естествоиспытательские". Он открывал России только что обрётённый ею Дальний Восток и для этого сначала открывал его для себя. Если не брать очень специфичные записки мореплавателей, которые сложно считать по разряду литературы (хотя их форма, вероятно, повлияла на жанровые особенности чеховской книги), то русский Сахалин Россия впервые увидела именно глазами Чехова. Он описывает всё: громадные лопухи, которые "придают здешней чаще, лесным полянам и лугам оригинальную физиономию", пробковое дерево — теперь оно зовётся амурским бархатом. Дикий виноград, черемшу — дикий чеснок, корюшку "огуречника" (пахнет свежим огурцом), "чирисов", то есть креветок. С особым чувством — комаров: "Было темно от них, лицо и руки мои жгло, и не было возможности защититься. Я думаю, что если здесь остаться ночевать под открытым небом, не окружив себя коврами, то можно погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума". В чеховские времена на Сахалине встречался тигр (теперь тигры — практически монополия Приморья, хотя в соседнем Хабаровском крае они тоже водятся, в том числе на гербе).

В этой части Чехова можно рассматривать как тематическую и жанровую преемству Арсеньева (молодой офицер прибывает на Дальний Восток десятилетиями позже Чехова и останется здесь навсегда). "Остров Сахалин", снабжённый автором подзаголовком "Из путевых записок", — настоящая энциклопедия Дальнего Востока: природа, "инородцы", история, статистика, личные эмоции когда очарованного, а когда и шокированного горожанина-европейца. Тот слав документализма и лиричности, который станет основой арсеньевского таёжного не-фикшна. В отличие от Арсеньева Чехов — только наблюдатель, но пересечение между ними иногда поразительно. Вот лишь один пример — как Чехов развенчивает миф об "исконно японском" Сахалине: "Многие, в том числе Невельский, сомневались, что Южный Сахалин принадлежит Японии, да и сами японцы, по-видимому, не были уверены в этом до тех пор, пока русские странным поведением не внушили им, что Южный Сахалин в самом деле японская земля. Впервые японцы появились на юге Сахалина лишь в начале этого (то есть XIX, — В. А.) столетия, но не раньше... Вообще во всей этой сахалинской истории японцы, люди ловкие, подвижные и хитрые, вели себя как-то нерешительно и вяло, что можно объяснить только тем, что у них было так же мало уверенности в своём праве, как и у русских...". Ровно то же писал Арсеньев о Приморье и китайцах: "Вопреки весьма распространённому, но ни на чём не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времён, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно". И дальше: "Амурский... край китайцы почти совсем не знали, и только появление в этой стране русских заставило их обратиться на него своё внимание.

Оттече члену редколлегии журнала "Дон" Валентину Осипову

Вначале для чистоты эксперимента придётся привести полностью пассаж из статьи Валентина Осипова "Из-под перьев шолоховедов" (газета "День литературы", №5, 2015) с подзаголовком "Дон": открытия в постельном белье". "Журнал, издаваемый в столице Дона на родине классика, ничтоже сумняшеся печатает биографический очерк о своём великом земляке авторства москвича А.Воронцова. Напомним: очерк жанр особой выверенности фактов.

И вот пассаж: "Каялся в грехе похоти... Женщины долго ещё оставались его слабостью... Ему были доступны женщины, без раздумий соглашавшиеся отужинать с ним в ресторане, а с другими он и не знал уже о чём говорить... Ресторан, гостиница, постель... Чем больше было женщин, которыми он обладал, тем становились слабее — после Аксиньи и Дарьи — его женские образы". И далее: "Хочешь, я тебя трахну?" — "Дай мне свой член".

Может, есть факты? Да откуда им, такому, быть-то? Как биограф классика и к тому же лично знавший его 22 года свидетельскую ложь!

И вот я лихорадочно ищу злополучную публикацию десятилетней давности в родном журнале. Это надо же, автор подставил, а редакция повелась! И я хорош, куда смотрел?..

Открывая искомую страницу эссе Андрея Воронцова "Тайный коридор" (журнал "Дон", №5, 2005). Опять же для чистоты эксперимента процитирую весь текст полностью без описных купюр:

"Каялся он тогда отцу Михаилу в грехе похоти, но женщины долго ещё оставались его слабостью. Каждая из них, как он понял сейчас, лишила его чего-то, делала меньше жизненный круг. Казалось бы, всё должно было быть наоборот, ведь писатели считают, что женская любовь их обогащает. Но это неправда. Здесь то же самое, как с упущенными с детства возможностями: ты выбираешь одних и никогда

Ф О Р У М

Уссурийский же край находился в стороне, и о нём китайцы знали ещё меньше... пока не появились Невельский и Завойко..." ("Китайцы в Уссурийском крае").

И Чехов, и Арсеньев выступали в вопросе российской принадлежности дальневосточных территорий как ярые империалисты. А где Чехов проявлял недостаточно великодержавной убеждённости — там его уважительно, но твёрдо поправляли позднесоветские комментаторы. Например, так: "Советскими учёными... сделан бесспорный вывод, что Сахалин и Курильские острова принадлежат нашей Родине по

Просахалиненный

праву первооткрытия, первоисследования, первозаселения и первоприсоединения" (сахалинское издание "Острова..." 1980 года).

Центром интереса Чехова, тем не менее, была всё-таки каторга. После по-настоящему страшных книг Шаламова и других авторов XX века чеховский Сахалин кажется не адом, а чуть ли не курортом — но это мы отсюда, из нашего времени говорим. А тогда гуманист Чехов совершенно серьёзно заявлял: "Я глубоко убеждён, что через 50-100 лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством недовольства, с каким мы теперь смотрим на равные ноздри или лишение пальца на левой руке". Критика сахалинских порядков, Чехов вместе с тем признавал, что "Мёртвого дома" уже нет, "возражение прошлого уже невозможно...".

Оказалось — возможно. Деталь, что называется, в тему: художник Осип Браз — автор известного чеховского портрета 1898 года — в 1924-м угодил на Соловки; вот как тесно всё в нашей истории взаимопроизносно.

"Остров Сахалин" — книжка очень плотная и связанная множеством нитей с целым рядом событий, людей и тем. Смыслообразующая — и незаслуженно попавшая в тень, но при этом бесспорно живая. В каждую новую эпоху она прочитывается по-новому, взаимодействуя с меняющейся реальностью и эволюционирующим читательским сознанием.

Читать "Сахалин" нужно в связке с очерками "Из Сибири", написанными по пути на остров. Эти очерки начинаются примечательным диалогом с возницей (то есть XIX, — В. А.) столетия, как будто задающим тон всему последующему:

— Отчего у вас в Сибири так холодно? — Богу так угодно!

Дальше, уже на Сахалине, Чехов не устаёт пугать читателя местным климатом. Например: "Сильные морозы зимой и сырость в течение всего года в Александровске ставят чернорабочего в положение иной раз едва выносимое, какого он при той же работе, например при обыкновенной рубке дров, не испытал бы в России". Или: "Про Сахалин... говорят, что климата здесь нет, а есть дурная погода, и что этот остров — самое ненастное место в России". Ещё: "Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству".

Угнетающим мыслям поддавался и сам Чехов, которому трудно было счи-

тать тогдашний Дальний Восток полноценной Россией: "...Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всём чувствуется что-то своё собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе... Мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна, и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами".

...Писатели сразу предупредили: жить на острове "тяжело и скучно", отсюда все бегут — "и каторжные, и поселенцы, и чиновники". Удивительно актуальное наблюдение: потом были различные "призывы", Сахалин активно заселялся, но к концу XX века мы вернулись к чеховскому статус-кво. Отсюда по-прежнему бегут, хотя нынешний Сахалин — место куда более комфортное и живое, не говоря о том, что сказочно красиво.

Уже при Чехове жители Сахалина считали обетованной землёй расположенное к юго-западу от острова Приморье — "Южно-Уссурийский край". Сейчас население бежит и из Приморья: за последние два с небольшим десятилетия край (без войн и гуманитарных катастроф) потерял 300-400 тысяч человек, то есть более 15% жителей. Но, конечно, по сравнению с остальным Дальним Востоком Приморье и теперь остаётся благодатным регионом: юг, тёплое лето море, наличие какой-никакой работы, элементарных дорог...

Транспортные тарифы, указывает Чехов, на Сахалине неизмеримо высоки, а пароходы разгружаются "томи-тельно долго", причём это — "горькая участь всех наших восточных портов". Звучит очень современно, особенно в контексте превращения Владивостока в "свободный порт".

На острове свирепствует туберкулёз, причём Чехов — врач по профессии — называет причинами здешней чахотки не только климат и лишения, но и "тоску по родине".

Даже красоты природы не перебивают общего угнетающего ощущения: "Предубеждение против места засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом месте". Или: "Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине! О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России всё прекрасно и уютно". Это — к вопросу о психологии и современных дальневосточников, многие из которых стремятся поскорее уехать, хотя не всегда можно понять почему.

Чехов, впрочем, нашёл важные слова — "предубеждение против места". Вот оно. Очень мудрое замечание.

То ли со времён Чехова многие черты дальневосточной жизни не изменились, то ли он сам запрограммировал здешнее будущее в своей книге-матрице.

Зарождение сахалинской каторги относят к 60-м и даже 50-м годам XIX века. Став русским, Сахалин сразу же стал каторжным. Тому были причины. Дело было, во-первых, осваивать, обживать остров, во-вторых, развивая экономику (начали с добычи угля). Избранный курс ускорил развитие восточных окраин, но одновременно наложил на Сахалин каторжное клеймо, которое пришлось долго изживать (если оно вообще изжито). В этом смысле чеховский Сахалин — прообраз Дальстроя, титанической административно-хозяйственной структуры со своими законами, существовавшей в 1930-е-1950-е.

Необходимость осваивать Сахалин неизбежно влияла на черты каторжной жизни. "Когда наказание, помимо своих прямых целей — мщения, устрашения или исправления, задаётся ещё другими, например колонизационными целями, то оно по необходимости должно постоянно приспособляться к потребностям колонии и идти на уступки", — пишет об этом Чехов.

И действительно — приспособлялось. Каторжане получали серьёзные послабления. "Исправляющимся" позволяли "жить вне тюрьмы, строить себе дома, вступать в брак и иметь деньги" — по сути, не каторга, а ссылка. В 1888 году примамурский генерал-губернатор разрешил и вовсе о с в о б о ж д а т ь "трудлюбивых и доброго поведения" каторжных до срока. При Че-

Василий АВЧЕНКО

хове уже "четверть всего состава ссыльнокаторжных живёт вне тюрьмы", причём "особенных беспорядков не замечается". "Каторжные и поселенцы, за немногими исключениями, ходят по улицам свободно, без кандалов и без конвоя, и встречаются на каждом шагу толпами и в одиночку. Они во дворе и в доме, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки, — свидетельствует Чехов. — Такая близость в первое время с привычки смущает и приводит в недоумение. Идём мимо какой-нибудь постройки, тут каторжные с топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, размахнётся и трахнет!".

После отбытия срока каторжных переводили в поселенцы (с условием жить здесь же, на острове), а спустя ещё 10 лет они могли стать крестьянами. "Крестьянин из ссыльных может оставить Сахалин и водвориться, где пожелает, по всей Сибири..." — пояснял Чехов. Характерно, что новобранённые крестьяне сразу же собирались уезжать — на что, лишь бы не оставаться на Сахалине.

Чехова интересовало быт, рутина, повседневность каторжного Сахалина. Он, похоже, намеренно избегал любой детективной занимательности. Взять хотя бы знаменитую Соньку Золотую Ручку (Софью Блювштейн), встреченную здесь писателем, или драматическую судьбу офицера Карла Ландсберга, о котором уже в наши дни напишет приключенческий роман сахалинец Вячеслав Каликинский, — нет, Чехов фокусировался не на ярких личностях, а на кажущейся действительности. Брал для документальной книги не исключительное, а характерное. Берёг исключительное для других — художественных вещей? Может быть. Но в любом случае полностью материал не использовал — не успел или не захотел.

Это не значит, что сахалинские впечатления в последующих текстах Чехова не отразились — разумеется, отразились. О влиянии каторги на его творчество написано столько, что нет смысла оригинальничать, так что будем лаконичны.

Да, на Сахалин ехал не Антоша Чехонте, а серьёзный сложившийся автор со "Степью" и "Ивановым" за плечами. Но всё-таки по-настоящему зрелый Чехов сформировался после Сахалина — и во многом именно Сахалином.

Наиболее явно дальневосточные мотивы проявились в рассказах "Гусев", "В сылке". Судьба встреченного Чеховым на Сахалине (не названного по фамилии, потому что — "политический", народоволец) ссыльного Ивана Ювачёва — отца Даниила Хармса! — угадывается в "Рассказе неизвестного человека". В ряде произведений — "Палата №6", "Бабьё"... — появляются темы неволи, неправедного суда, преступлений и наказаний. Сахалин напоминает о себе то открыто, то между строк. Вот, скажем, фон Корен из "Дуэли" собирается на Дальний Восток — а сама идея повести, говорят, была подсказана Чехову владивостокским городским головой Маковским...

Сложно решить — Чехов дал больше Сахалину или Сахалин Чехову. Он не написал большой и по-настоящему сахалинской художественной вещи, но ковенно Сахалин повлиял на всё, что написано после. "А ведь, кажется, — всё просахалинено", — формулировка самого Чехова.

Дело тут не в одном Сахалине. Один из главных смыслов чеховского подвига — в другом: не нужно замыкаться на столицах, нужно пройти и

увидеть всю огромную страну до самого края. Не рвитесь на тайские курорты, не прыгайте в башнях из слоновой кости — отправляйтесь "в поля", изучайте Россию. Потом-то, на обратном пути, Чехов посетил все Сингапур и Цейлоны, но кто это помнит и кому это важно — важен только Сахалин. Чехов выступает проповедником внутреннего туризма, причём туризма не развлекательного, а гуманитарного и духовного. Не скажете, что этот мессидж усвоили "массы". Все по-прежнему стремятся в столицы, из столиц — в заграницы, а "творческие командировки" "на места" — это отнюдь не чеховское погружение в Дальний Восток.

И всё-таки Чехов "откупорил" Сахалин. Сюда потянулись учёные, чиновники, писатели (в 1897 году приехал Влас Дорошевич — и он-то как раз написал подробно и про Золотую Ручку, и про Ландсберга, и про остальных). Россия почувствовала Сахалин своим важным органом, он прирос к её телу. И хотя был наполовину отсечён в 1905-м — после первой войны с Японией — но вновь пришёл в 1945-м.

"Остров Сахалин" повлиял не только на русскую словесность, но и на японскую. В 2003 году писатель и переводчик Дмитрий Коваленкин пригласил на Сахалин Харуки Мураками, которого он же и открыл русскому читателю. Позже Коваленкин рассказывал: "Проходит время, и в романе "1Q84" нивхи (они же гилики, коренные сахалинцы, — В.А.) возникают как одна из тем! И всю дорогу — цитаты из "Острова Сахалина". Тогда Мураками всё путешествие, всё свободное время читал на японском "Остров Сахалин". Все куски о гиликах оттуда вынуты и вставлены в эту книгу под очень интересным углом... Это нельзя назвать плагиатом, он это использует как одну из красок на своём полотне, получается интересный микс".

У Дальнего Востока немного литературных брендов. Фадеев и Арсеньев у Приморья, тот же Арсеньев и Николай Задорнов у Хабаровска, Рытхуэ и Куваев у Чукотки, Шаламов и Мифтахутдинов — у Магадана... Дальний Восток, занимающий по площади треть страны, похож на архипелаг. Слишком далеко даже друг от друга, слишком малы и немногочисленны здешние человеческие поселения и слишком мало между ними дорог. Наиболее адекватный образ для понимания Дальнего Востока — Курилы. Характерная фигура речи — выражение "на материк", используемое здесь отнюдь не только островитянами.

Недавно побывав на Сахалине. Здесь всё — имени Чехова, даже в книжном нашёл четыре различных издания "Сахалина". В Александровске-Сахалинском — бывшем посту Александровском, где писатель впервые спустил на сахалинскую землю, — есть музей "Чехов и Сахалин". В Южно-Сахалинске — музей книги "Остров Сахалин", переизданный в 2013-м в новое издание на проспекте Мира — красивое, современное, рядом с театральным "Чехов-центром" и административной области.

В сувенирных лавках — магниты на холодильники: медведи, каторжные кандалы, красная икра и — Чехов. Пошловатое соседство, но на самом деле приятное: икра и Чехов — главные русские экспортные гордости вместе с нефтью и газом. На Сахалине есть и газ, и икра, и Чехов, и в этом смысле Сахалин — квинтэссенция России. На здании областной администрации, правда, помещён полемический лозунг: "Люди — главное богатство региона". Значит, нет для всех это очевидно, раз приходится напоминать?

Хорошо бы "намагнитить" и других писателей, тем самым утяжелив смысловое поле любого бездельника, украшающих обывательские холодильники. И туристам будет хорошо, и продавцам, и — в данном случае — Чехову, потому что это — и его продвижение. Чеховское магнитное поле не должно слабеть — пусть он притягивает.

В предсмертном письме литератору Борису Лазаревскому Чехов хвалил тихоокеанские устрицы, которые он пробова в Владивостоке, возвращаясь с Сахалина. Писал, что хочет уже "в июле или в августе" 1904 года снова поехать на Дальний Восток — врачом на русско-японскую войну. Не успел — умер. Вернулся в Россию неживым, в вагоне с надписью "Устрицы" — только в нём имелся холодильник.

художественного вымысла, не противоречащие реалиям".

Вполне понятно, зачем я напоминаю обо всём этом. Воронцов написал прозаическое произведение, и судить его следует, даже с десятилетним опозданием, исходя из этого. Спирит, не соглашайтесь, критиковать, бичевать... Но не приписывать ему то, в чём он не виновен.

Как, например, пикантный конец "постельной разборки". Нет в журнальном тексте после Аксиньи и Дарьи диалога: "Хочешь, я тебя трахну?" — "Дай мне свой член". Нет, как нет!

А ведь получается, что чуть ли не Шолохову приписана половая терминология.

Что же тогда в данном случае произвёл ничтоже сумняшеся любезный Валентин Осипович? А он вырвал из текста действительный диалог, но встречающийся четырьмя страницами ранее и не имеющий к Шолохову абсолютно никакого отношения — никакого! — и подставил его к цитируемому с искажениями отрывку из эссе.

Дело в том, что у Андрея Воронцова действуют и вымышленные персонажи, а один из них литератор Звонарёв, наш современник. Это он по ходу повествования листает свою рукопись той пора, когда разваливалась великая страна. Находит рассказ под названием "Ночью" о том, как низко падают нравы, как люди теряют себя. Описаны разные неприглядные истории. Там приводится одна из постыдных примет разнузданной свободы — квартирные просмотры сообщ порновидео с включением звука на полную, когда "отвратительно гнусавый голос переводит...", и далее следует так впечатливший Валентина Осипова диалог.

Но при чём здесь тогда Шолохов? И завершая. Я не знаю, какими соображениями руководствовался мой давний и, надеюсь, по-прежнему добрый товарищ Валентин Осипович Осипов, желая стать "днодомом", но в Ростове принято за базар отвечать.

И дело тут не в Воронцове и журнале "Дон". Дело в Шолохове.

Виктор ПЕТРОВ, главный редактор журнала "Дон"

О поэзии Луизы Савинской

На Востоке говорят: "Мудрец — это человек, который любого прохожего любит больше, чем самого себя..."

Недавно я перечитал стихотворения Луизы Савинской и вспомнил это изречение.

И вдруг встречаю строки в её книге: "...Хранить огонь и не блуждать во мгле, Любить другого больше чем себя... Прощать обиды, искренне себя..."

Нежные небесные миры... Материнская любовь к миру и тоска по небесам и звёздам... Никакого быта... который часто убивает поэтов, особенно, женщин...

Поэзия Луизы Савинской — это жемчужная бабочка... или стрекоза... или сирень... или мой любимый цикорий... или домики на берегу Волги...

И вдруг глубоко философские строки о Поззии: "Поззия есть тайна... Шифрограмма Бога... Уж лучше быть немой, когда ты — не оттуда...". А нынче по Руси разлился океан графомани...

И всё — не отсюда... не от Бога... А о тех, кто от Бога — о тех молчат...

Тому, кому Бог дал, — не дают...

Наша поэтесса — летучая, высокая, душевная и духовная, щедрая душа, акварельная чаровница-художница, песенница, изысканная камея златоречивая — не думает о славе...

Она полна великой, жертвенной любви к этому быстротечному земному миру... А эта любовь делает поэта вечным...

Здравствуйте, вечная Луиза Савинская! А мы, поклонники Вашей поэзии, вдыхаем Вашу вечную весеннюю сирень и вечные осенние флоксы...

Если бы бабочки разговаривали — они бы разговаривали на летучем языке нашей певуны...

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

От редакции: Подборку стихов Луизы Савинской читайте в будущем июльском номере нашей газеты. А это стихотворение из только что вышедшей книги "НА КРОМКЕ ВРЕМЕНИ" (М.: Нон-парель, 2015. — 344 с., илл.).

Небесная Камея

ЕМШАН — ПОЛЫННАЯ ТРАВА

"Лучше на своей земле костыли лечь, чем на чужой земле в славе быть..." — молил с горечью изгнанный Мономахом за Дон половецкий хан, припадая к пучку седой травы емшан с родных донок степей.

Легенда из "Русской летописи"

Этот запах былинных бескрайних степей, До рождения, наверно, я знала. Шепчет сизое марево: "Зри меня, пей, Вспоминая свои корни-начала!".

И кого здесь укрыл безымянный курган, Что порос голубую травую? Князь ли русский полёг?..

Половецкий ли хан?.. Степь их домом была и судьбою.

Пахнут степи тоской убежавших за Дон Половчан — подневольников страха. И на вкус очень горек задонский их стон: "Нам чужбина — страшной Мономаха!".

О, родная трава, о полынь, о емшан. О, степное единое время Русов, половец!

Общий горчайший туман Пропитал нас от яток по темя — Нас, зачатых былинными теми...

